МИРА КОРАБЛЕВА

ИСПЫТАНИЕ НЕЖНОСТЬЮ

МИРА КОРАБЛЕВА

ИСПЫТАНИЕ НЕЖНОСТЬЮ

«Автор»
2026

КОРАБЛЕВА М.

ИСПЫТАНИЕ НЕЖНОСТЬЮ / М. КОРАБЛЕВА — «Автор», 2026

Она думала, что встретила любовь всей жизни. Он оказался монстром. Тихая, книжная девушка Марина выходит замуж за богатого и властного Олега – и попадает в ад семейного насилия. Чтобы вернуть дочь, ей придётся стать юристом, собрать доказательства и рискнуть всем. Но когда на горизонте появляется серб Душан, у Марины возникает новый выбор и новая опасность. Выдержит ли её сердце ещё одно испытание нежностью?

© КОРАБЛЕВА М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. 5
Часть вторая. 12
Часть третья. 16
Конец ознакомительного фрагмента. 22

ИСПЫТАНИЕ НЕЖНОСТЬЮ

Часть первая.

— «Слово о полку Игореве» — это не просто памятник, — по аудитории разносился голос пожилого профессора Василевского. Пара по древнерусской литературе подходила к концу. Профессор снял очки. — Русская тоска по единству, которая длится уже девятьсот лет… Ну-с, мои дорогие слушатели, на следующей неделе пишем сочинение. Тема свободная. Советую подойти неформально. Меня интересует не пересказ, а ваше прочтение.

Студенты зашумели, засобирались. Марина сложила в сумку тетрадь и ручку. Рядом возилась Ира — яркая, говорливая, с пачкой чипсов в руке.

— Марин, ты идешь сегодня на кафедру? Сбор фольклорной экспедиции.

— Не могу, — Марина застегнула сумку. — У меня завтра первый рабочий день, я же говорила.

— Ну и что? — Ира захрустела чипсами, протянув открытый пакет, но Марина покачала головой. — Ты молодая, а ведешь себя как пенсионерка. Учеба, дом. У нас у всех работа, не на дневном учимся. Пойдем в кафе?

— В следующий раз, — Марина мягко улыбнулось.

— Ты всегда так говоришь, — вздохнула Ира. Она уже привыкла.

Девушки вышли в коридор. Парни с соседнего потока посматривали на них. Один обернулся три раза, глядя на Марину. Но она даже не заметила.

— Марин, — Ира понизила голос, — а ты вообще с кем-то встречаться собираешься?

— Пока нет.

— Почему?

Марина пожала плечами.

— Не с кем.

— Вон Антон с пятого курса на тебя весь прошлый год смотрел. А Коля только что глаза сломал…

— Ира, — Марина остановилась. — У меня сейчас другие задачи. Учеба, тетя Люся. Теперь вот работа будет. Не до того.

— А когда будет до того? — Ира посмотрела на нее с искренней тревогой. — Тебе сколько лет? Двадцать три. А выглядишь на все сорок. Вся в себе, в книгах, в этой твоей...

— В чем? — мягко переспросила Марина.

— В твоей серьезности, — вздохнула Ира. — Но, если решишь когда-нибудь ожить, — я рядом.

Марина улыбнулась и обняла подругу.

— Спасибо. Я помню.

Они разошлись у лестницы. Ира побежала вверх на кафедру, доставая телефон. Марина пошла медленно по длинному коридору, держась ближе к стене.

В конце коридора висел стенд с объявлениями. Расписание, какая-то агитация, в углу — старое, выцветшее фото института восьмидесятых. Марина остановилась, посмотрела на него.

Ее мама училась здесь. Тоже на филфаке. Тоже любила древнерусскую литературу. Она знала столько старинных сказок. Когда Марина была совсем маленькая, рассказывала ей их на ночь, и девочка засыпала, держа ее руку своей ручонкой.

Марина провела пальцем по стеклу, оставляя полоску на пыли. Вздохнула и заторопилась к выходу.

Сырой колючий ветер с Волги сразу ударил ее в лицо. Она подняла воротник пальто — старого, тети-Люсиного, перешитого на ее размер — и побежала к остановке. Сев в троллейбус, Марина уставилась в окно. За стеклом — ее Нижний, серый, осенний, неуютный. Марина знала, что многие считают ее странной. «Монашенка» — так ее называли за глаза. Она не обижалась. Просто думала: главное еще не случилось. Оно ждет за горизонтом. Как в романах, которыми она зачитывалась по ночам.

Марина любила запах книг, библиотек, архивов. В этом был обманчивый уют: будто все истории уже случились, переплетены в книги, папки и больше никому не причинят боли.

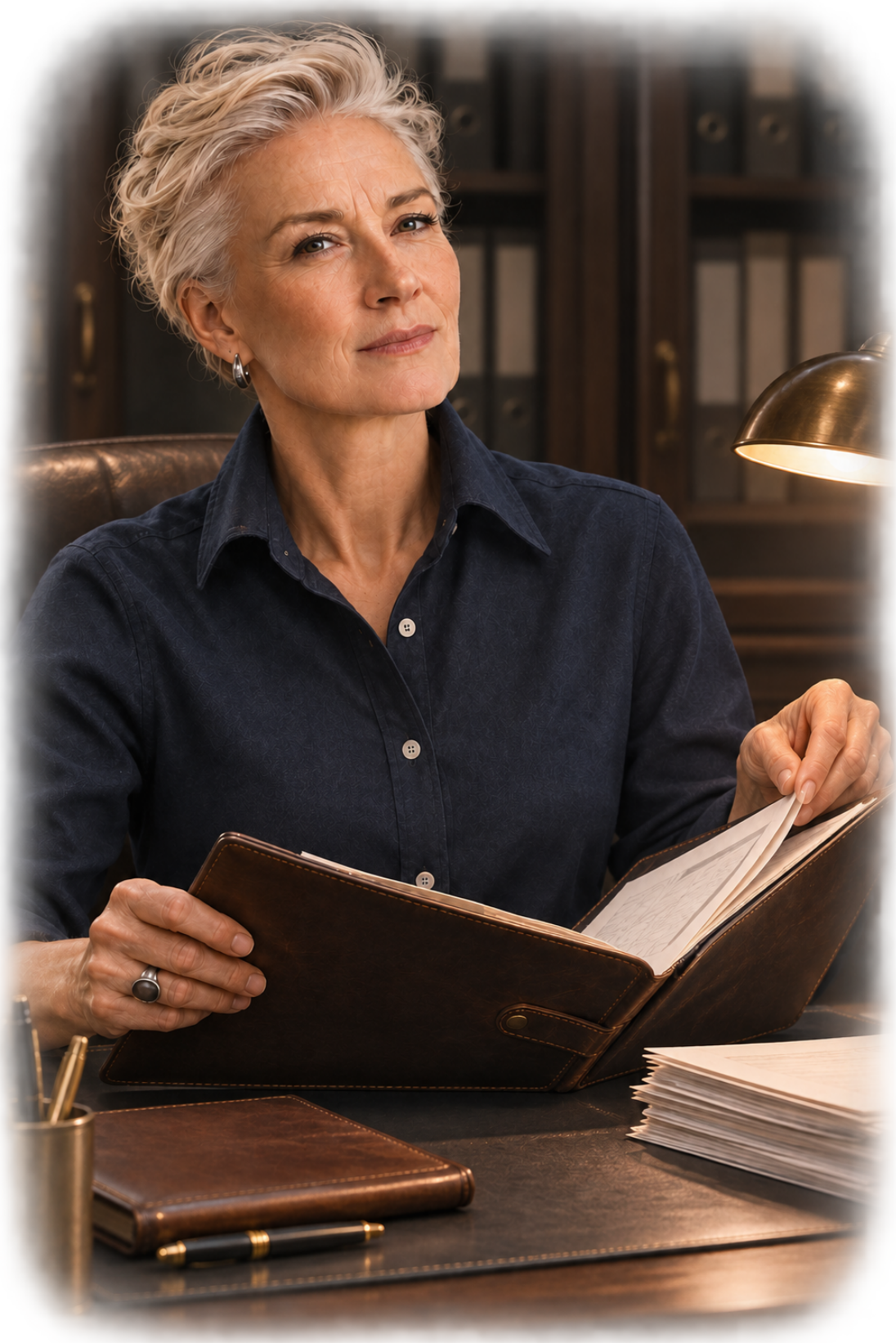
Она много лет жила с тетей — старшей сестрой мамы. Родители погибли в пожаре, когда Марине было шесть. Девочка чудом осталась цела — была на пятидневке в саду. Тетя Люся не чаяла в ней души. Своих детей у нее не было. Бог не дал, как и мужа.

Старинная подруга тети Люси, Зинаида Петровна, организовала для Марины место в канцелярии крупной фирмы, где сама начальствовала. Взяла их «умницу, красавицу» под крылышко. И завтра был ее первый рабочий день.

— Ты смотри, — наставляла тетя Люся утром, поправляя блузку, — держись просто. Начальство там акулы. Но ты не пугайся. Главное — душа у тебя есть. А у них этого добра может и не водиться. Но они далеко будут, а ты при Зиночке. Ее во всем слушай.

Марина слушала и кивала. Она была удобной все детство и юность. Тихая, аккуратная, с легкой, какой-то книжной улыбкой. Марина была красива той красотой, которую трудно сразу разглядеть: русые волосы, серые глаза с длинными ресницами, тонкие запястья.

Зинаида Петровна ввела ее в курс дела за полдня. Канцелярия оказалась небольшой комнатой без окон, с тяжелыми шкафами и кожаной папкой с грифом «Срочно» на столе. В углу кабинета была дверь в архив, где четкими рядами на стеллажах хранились папки и коробки с документами. Святая святых, доступ в которую обычным работникам был закрыт. Зинаида Петровна была женщиной опытной, с зычным голосом и спокойствием человека, который видел на своем веку пять генеральных директоров.

В среду вечером, пока Марина была в институте, Зинаида Петровна заглянула к подруге на чай. Тете Люсе не терпелось узнать, как дела у Маришки.

— Ну, что ты тянешь, Зина, как она? — тетя Люся поставила кружку с чаем перед подругой.

— Славная она у нас девка, — Зинаида Петровна откусила пирожок. — Тихая, аккуратная. Быстро разобралась. Бумажки разложит, подпишет. Но…

— Что?

— Робкая очень. Как мышка. Чуть что — глаза в пол, голос дрожит. Я ей: «Ты выше голову держи, ты ж наша».

Тетя Люся вздохнула, посмотрела в окно.

— Она с детства такая. Ты помнишь, Зиночка... После того, как Надя с Виктором погибли, Маришка… ей, когда сказали, она не плакала. Два дня молчала. А потом раз — и заплакала. И не могла остановиться неделю.

Зинаида Петровна молча крутила кружку. Часы на стене тикали, а в стекла забарабанил холодный дождь.

— Страшное дело, — Зинаида помолчала. — Но знаешь, сколько я таких перевидала на своем веку? Тихих, удобных. Их жизнь быстро ломает. Не умеют зубы показывать.

— Ты чего это? — тетя Люся насторожилась. — Накаркать хочешь?

— Я не каркаю, я предупреждаю. Ты за ней смотри. И не дай ей вляпаться туда, где ее скромностью воспользуются.

Тетя Люся отодвинула кружку.

— Зин, ну что ты? Она у меня умница. Она разберется.

— Дай-то бог, — Зинаида Петровна перекрестилась. — Дай-то бог.

*

Рабочая неделя подходила к концу. Утро было суетливым: сотрудники бесконечно приходили в канцелярию то получить, то сдать документы. К обеду поток спал. Пятница.

— Запомни, золото мое, — Зинаида Петровна убрала в сейф пухлую амбарную книгу. — В архив посторонних не пускать. Ни под каким видом. Там история компании. Поняла?

— Поняла, — кивнула Марина.

Зинаида Петровна ушла в три. И дала наказ: «Если кто ломится — звони в охрану». Марина осталась одна. В тишине гудела лампа дневного света. Она чувствовала себя почти счастливой. Завтра суббота. По субботам они с тетей Люсей пекли пирог с капустой и смотрели старые фильмы.

Она старательно перебирала накладные, когда входная дверь с грохотом распахнулась.

Марина вздрогнула и подняла голову.

В дверях стоял человек, который занимал собой весь дверной проем. Высокий, широкий в плечах, в темном пальто, распахнутом на груди. Лицо — крупное, с тяжелой челюстью и глубоко посаженными глазами. Он не вошел — ворвался, повеяло холодом и дорогим парфюмом.

— Мне в архив! — голос прозвучал как приказ.

— Простите, — Марина встала, одергивая юбку. — В архив посторонним нельзя.

Мужчина усмехнулся. Недобро.

— Посторонним? — переспросил он. — Милая, мне нужно кое-что забрать. Мне плевать на ваши правила.

Он сделал шаг вперед, к тяжелой металлической двери. Марина не думала. Просто оказалась у него на пути, раскинув руки. Он был выше на голову, шире в три раза, ее сопротивление было смешным.

— Нельзя, — голос предательски дрогнул.

— Уйди с дороги. — сказал он спокойно, но в этом чувствовалась такая сила, что Марина вдруг испугалась.

— Я вызову охрану, — она, попятилась к столу.

— Вызывай.

Он обошел ее и потянул ручку архивной двери. И тогда Марина сделала то, что потом будет вспоминать с ужасом и стыдом: схватила его за руку. Крепко, вцепившись обеими ладонями. Повисла, как котенок на штанине.

— Отпустите ручку! — крикнула она. — Я не имею права!

Он остановился. Опустил взгляд на ее побелевшие пальцы. И вдруг рассмеялся. Негромко, с хрипотцой.

— Ты вообще кто? — спросил он, не пытаясь высвободиться.

— Сотрудник канцелярии, — выдохнула Марина. Обидные слезы текли по щекам. — Меня попросили… мне доверили…

— Заревела, — констатировал он без осуждения, скорее с любопытством. — Ладно. Успокойся. Я не полезу в твой архив.

Он аккуратно освободил руку, достал телефон и кому-то позвонил:

— Слушай, пришли мне документы по «Веге». Я сейчас в контору заехал, тут у них… — он бросил короткий взгляд на Марину, — дисциплина железная. Не пускают.

Он вышел так же внезапно, как появился. Марина осталась стоять посреди канцелярии, трясясь крупной дрожью.

Когда вернулась Зинаида Петровна и увидела ее заплаканное лицо, то сначала охнула, а потом, выслушав сбивчивый рассказ, схватилась за сердце.

— Олег Маркович? — переспросила она побелевшими губами. — Ты что, деточка… Это же сам владелец!

— Я не знала, — прошептала Марина, чувствуя, как пол уходит из-под ног. — Зинаида Петровна, простите…

— Да какое тут простите, — махнула рукой Зинаида Петровна. — Ты не понимаешь. В понедельник он приказ об увольнении подпишет. И твоем, и моем.

Но приказов не последовало.

Утром в понедельник секретарша шефа, девица с наращенными ресницами и вечно недовольным голосом, позвонила в канцелярию и ледяным тоном сообщила: Марину вызывает «сам». Марина испуганно взглянула на Зинаиду Петровну. Ее лицо было бледным, она плохо спала и промучилась в ожидании все выходные. Звонок был облегчением. Пусть все решиться скорее, чем эта маета. Зинаида Петровна незаметно перекрестила ее спину.

Марина шла по коридорам, как приговоренная. Кабинет находился на пятом этаже, за массивными дубовыми дверями. Она вошла, не поднимая глаз. Олег Маркович сидел за столом, листая бумаги.

— Садись, — сказал он, не глядя.

Она села на краешек стула.

Он поднял голову. Рассматривал ее долго, с непонятным выражением.

— Как зовут?

— Марина.

— Марина, — повторил он, словно пробуя имя на вкус. — Сколько тебе лет?

— Двадцать три.

— И ты работаешь в канцелярии?

— Я учусь на филолога, — тихо сказала Марина. — Это временно.

— Филолог, — он усмехнулся. — Книги любишь?

— Да.

— Какие?

— Разные, — она подняла глаза и встретилась с его взглядом. Взгляд был тяжелый, немигающий, но в нем не было злости.

— Знаешь, Марина-филолог, — он откинулся в кресле, — в пятницу ты меня удивила. Впервые за много лет. Соплячка, а вцепилась мертвой хваткой.

— Мне было страшно, — призналась она.

— Это и интересно. Обычно, когда страшно, все бегут. А ты — нет.

Он замолчал, барабаня пальцами по столу.

— У меня есть предложение. Пусть идет он к черту, твой архив. Будешь моим личным секретарем. Зарплата в пять раз выше. График удобный, чтобы на учебу успевала.

Марина растерялась.

— Я не умею…

— Научишься. Я людей вижу. Ты надежная.

Дома тетя Люся всплеснула руками.

— Секретарем у самого Олега Марковича? Да это ж счастье привалило!

Зинаида Петровна, сидевшая на кухне с кружкой чая, скептически хмыкнула.

— Счастье-счастье, — пробормотала она. — Мужик он башковитый, это да. Но тяжелый. Слухи про него ходят…

— Какие слухи? — насторожилась Марина.

— Да так, — отмахнулась Зинаида Петровна. — Говорят, характер у него непростой. И бывшая жена… Но тебе-то что? Ты ж не в невесты к нему идешь. В секретари.

На этом и порешили.

Первые недели работы секретарем были мукой. Марина путалась в документах, забывала, кому и когда перезвонить, один раз даже пролила кофе на отчет, который долго готовили для Олега. Она ждала, что он закричит, уволит. Но он только поморщился, сказал «не парься» и вызвал сотрудника подготовить новый экземпляр.

А потом он начал ухаживать.

Это было странно. Марина не понимала, что происходит. Олег был из другого мира. Он присылал цветы — не алые розы, а полевые, ромашки и васильки, как в ее любимых книгах. Он ждал ее после занятий, сидя в черном джипе с тонированными стеклами, и вез домой, не предлагая зайти, не требуя ничего. Он слушал, как она рассказывает про античную литературу, и скупо улыбался.

— Ты странная, — сказал он однажды. — Таких теперь почти нет.

— Это плохо? — спросила она.

— Это хорошо. Я думал, все бабы одинаковые. Оказалось — нет.

Тетя Люся была на седьмом небе.

— Олигарх! — шептала она по вечерам, когда Марина возвращалась с очередной прогулки. — И какой видный! Мариночка, ты смотри не упусти.

— Теть Люсь, я не думаю об этом, — отмахивалась Марина, хотя думала. Постоянно. Его близость пьянила. Она чувствовала себя героиней романа, которую наконец заметили.

Он сделал предложение через три месяца. Просто сказал за ужином в дорогом ресторане, где играл живой джаз:

— Выходи за меня.

И Марина, глядя в его темные глаза, не могла сказать «нет». Это была она — любовь всей жизни, та самая, о которой она прочитала сотни книг.

Часть вторая.

Свадьба была пышной. Тетя Люся плакала от счастья. Зинаида Петровна, приглашенная в качестве почетной гостьи, смотрела на Олега пристально и, когда все танцевали, шепнула Марине:

— Ты будь осторожна, дочка. Огонь красиво горит, да обжечься можно.

— Зинаида Петровна, ну что вы, — улыбнулась Марина.

Мать Олега Нина Николаевна, которая приехала на свадьбу из маленького городка, где жила одна, похоронив его отца несколько лет назад, подарила Марине старинное колечко женщин их рода: на счастье.

— Дочку родишь, — сказала она, — ей передашь.

Марина радостно кивнула.

— Спасибо! Обязательно передам. Какая красивая традиция!

Путешествие на медовый месяц они отложили. Олег не смог вырваться. Но Марине дал отпуск. И этот свой первый месяц она жила как в кино. Они медленно завтракали вместе. Олег не спешил в офис. Мог посреди дня позвонить и спросить: «Ты как? Не скучаешь?» Марина смеялась в трубку и говорила, что скучает. И это было правдой.

Однажды он вернулся раньше, застал ее с книгой на диване. Сел рядом, обнял. Поинтересовался, что она читает? Она показала обложку — старые сказки, еще мамины. Он взял книгу, полистал.

— Прочитаешь мне когда-нибудь?

— Ты правда хочешь? — удивилась Марина.

Он в ответ, поцеловал в губы, ловко подмял ее под себя и стал стягивать с нее кофточку. Сказки упали на пол.

Позже Марина думала вот оно — счастье. Долгожданное.

*

Через месяц после свадьбы Марина пришла на кладбище к могиле родителей. Она любила приходить сюда одна. Так острее чувствовалась связь с ними, особенно с мамой. Марина постояла перед двумя могилами. Слева — мама, справа — папа. На памятнике общая фотография. Им было по тридцать, когда они погибли. Марина смотрела на их лица. Мамины глаза — точно такие же, серые, с длинными ресницами. Папина улыбка — широкая, светлая.

Она принесла цветы. Белые хризантемы, мамины любимые. Заботливо поставила их в вазу, встроенную в бордюр цветника.

— Привет, — прошептала она тихо. — Я вышла замуж.

Ветер зашуршал прошлогодней листвой. Где-то вдалеке каркнула ворона.

— Его зовут Олег. Он… — Марина задумалась. — Он сильный. Богатый. Обещает заботиться. Вы бы его одобрили?

Молчание.

— Мама, я читала в твоей любимой книге: «Любовь — это когда человек видит твою душу». — Марина присела на скамейку рядом с могилой. — Кажется, он видит. Он дарит ромашки. Представляешь? Мои любимые, но я же ему не говорила. Значит, видит?

Она замолчала, глядя на фотографию родителей.

— Я боюсь, — призналась Марина еле слышно. — Мне кажется, я слишком быстро согласилась. Он старше. Он из другого мира.

Ветер успокоился. Стало очень тихо.

— Но я люблю его, — в голосе появилась твердость. — Или мне кажется, что это любовь, потому что я так много о ней читала и так долго ждала?

Марина обхватила себя за плечи.

— Теть Люся говорит, это счастье. Зинаида Петровна говорит, он тяжелый человек. А я ничего не понимаю. Я как в тумане.

Первая капля дождя упала, звонко ударив по оградке. Марина посмотрела на серое небо и набегающие тучи.

— Я буду стараться, — сказала она, вглядываясь в эту высоту. — Я буду хорошей женой. Я сделаю так, чтобы вы гордились мной.

Встав, она поправила белоснежные цветы, прощаясь с родителями.

На выходе с кладбища она обернулась. Могилы уже далеко, но ей показалось, что мама смотрит ей вслед и улыбается. Или это просто игра света?

*

Первые полгода брака были похожи на сон. Олег был щедр, внимателен, даже нежен — насколько он умел быть нежным. Они жили в огромной квартире в центре, с высокими потолками и видом на Волгу. Марина просыпалась утром, готовила завтрак — омлет с зеленью, свежевыжатый сок — и ждала, когда муж выйдет из душа.

— Не стоит тебе работать — сказал он однажды, наблюдая, как она собирается с ним в офис.

— Но мне не трудно, — робко возразила Марина.

— Зачем? — он подошел сзади, обнял, поцеловал в шею. — Твоя работа — быть моей женой. Разве этого мало?

Она подумала: в его словах есть своя логика. Он старше, опытнее, он знает, как правильно. И она уволилась. Без сожаления, почти с облегчением — работа секретаря, а тем более секретаря собственного мужа, действительно была нервной.

Потом он заговорил об институте.

— Ты каждый вечер пропадаешь на лекциях, — он не повышал голоса, но в тоне была сталь. — Я прихожу домой, а тут пусто.

— Но мне осталось всего полгода, — попыталась возразить она.

— Зачем тебе диплом? Ты — моя жена. Моя. Я хочу, чтобы ты была дома. Чтобы ужин был готов. Разве это много?

Она снова согласилась. Оформила академический отпуск, который превратился в бессрочный. Тетя Люся, узнав, расстроилась, но промолчала. Олег был зятем мечты. Кто ж против такого пойдет?

А потом родилась Катя.

Маленький теплый комочек. Марина забыла об институте, о работе, о книгах, которые раньше составляли весь ее мир. Она жила дочерью: кормления, пеленки, бессонные ночи, первые улыбки. Олег был счастлив — покупал дорогие вещи: коляски, кроватки, бесконечные наряды, нанял было няню, но Марина отказалась. Ей казалось, что сейчас, когда у них есть ребенок, их семья стала по-настоящему наполненной.

Часть третья.

Она ошиблась.

Все началось с мелочей. Олег стал задерживаться на работе. Возвращался усталый, раздраженный. Пил — сначала по бокалу вина за ужином, потом по два, потом перешел на крепкое. Марина не придавала значения. Кто в России не пьет? Но вскоре она заметила, что бокалы превращаются в бутылки, а вечерняя усталость — в агрессию.

Он сорвался впервые через год после рождения Кати.

Марина не знала, что произошло на фирме. Говорили о крупном контракте, который они потеряли, о каких-то проверках. Олег ушел в запой. На третий день она зашла в его кабинет. И нашла его в кресле с небритой щетиной и мутными глазами. Вокруг валялись пустые бутылки.

— Олег, — позвала она, подходя ближе. — Что происходит? Нельзя же так!

— Уйди, — прохрипел он.

— Давай я уберу здесь, принесу чаю…

— Я сказал — уйди!

Он вскочил, опрокинув стул. Марина отшатнулась, но он уже схватил ее за плечо, сжал так, что кости хрустнули.

— Ты кто такая, чтобы меня учить? — зашипел он, приблизив лицо. — Нищенка, которую я из грязи вытащил?

— Олег, ты делаешь мне больно…

— Больно? — он оттолкнул ее, и она ударилась спиной о дверной косяк. — Вот сейчас будет больно!

Она не помнила, как выбежала из кабинета. Помнила только: Катя заплакала. Марина взяла дочь трясущимися руками, закрылась в ванной и сидела там, пока в квартире не стихло.

Наутро Олег стоял на коленях. С распухшим лицом и красными глазами, но абсолютно трезвый.

— Прости, — он не поднимал головы. — Это больше не повторится. Клянусь. Я болен, Марина. Я понимаю, что виноват. Но ты — мое спасение. Если ты уйдешь, я пропал.

Она простила. Всем сердцем! Веря, что любовь исцеляет.

Она не знала тогда, что этот цикл будет повторяться.

В следующий раз он не дрался.

Пришел с работы, сел напротив и спросил:

— Ты что на себя напялила?

Она растерялась. Кофта? Джинсы?

— Ты выглядишь как бомжиха. — сказал он спокойно. — Позор.

Она больше никогда не надевала эту кофту.

Через месяц он сказал:

— Твоя подруга Ира — дура. Не общайся с ней.

Она попыталась возразить и получила пощечину. От удара голова дернулась назад, и шея болела несколько дней. Она перестала отвечать на звонки Иры.

Потом он сказал:

— Тетя Люся слишком много ходит к нам в гости. У нее что, своего дома нет?

Марина начала выкручиваться перед тетей, отказывая ей в визитах. Тетя Люся поняла. Но промолчала.

*

Пять лет. Пять лет она жила в аду. Цикл был всегда один и тот же: затишье — напряжение — срыв — запой — агрессия — унижение — слезы — раскаяние — клятвы — короткая передышка. И снова.

Олег изолировал ее от всех. У Марины не было своих денег — только карточка, которую он контролировал. Не было выхода из дома без разрешения. Даже ее телефон он просматривал.

Она подурнела. Похудела, глаза провалились, волосы стали тусклыми. Она перестала читать — не могла сосредоточиться. Катя росла, и Марина видела, как дочь боится отца, замирает, когда Олег входит в комнату, старается быть незаметной.

Единственной отдушиной и спасением Марины были командировки Олега. Работа его требовала отлучек. И это были глотки воздуха, даже несмотря на приставленный контроль в виде водителя и домработницы.

Тетя Люся приезжала раз в месяц, с трудом выбив разрешение у зятя. Она видела следы побоев — синяки на руках. Марина неловко прикрывала их длинными рукавами.

— Дочка, — шептала тетя Люся, когда Олег выходил из комнаты. — Уходи от него. Спасай себя и Катю.

— Не могу, — так же шепотом отвечала Марина. — Он сказал — если уйду, отберет дочь. У него деньги, связи. Он уничтожит меня.

— Да пусть забирает! Суд ему покажет…

— Какой суд, теть Люсь? Он все купит. Ты его не знаешь.

Тетя Люся уходила, плача в автобусе, и молилась всем святым, которых только могла вспомнить.

*

Как-то Олег уехал в очередную командировку. Марина покупала молоко и хлеб, у нее появилась возможность вырваться куда-то без надзора.

— Марина? — услышала она знакомый голос.

Обернулась. Перед ней стоял Сева — одноклассник, который в школе сидел за последней партой и всегда краснел, когда она входила в класс.

— Сева? — она не узнала его сразу. Он повзрослел, раздался в плечах, но глаза остались теми же — добрыми.

— Ты… ты изменилась. — сказал он растерянно, разглядывая ее осунувшееся лицо, выцветший синяк под глазом, не скрытый тональным кремом. — Что случилось?

— Ничего, — она хотела уйти, но он взял ее за руку.

— Марина, я слышал, ты замужем. За бизнесменом успешным. Но… ты не выглядишь счастливой.

— Сева, пожалуйста, — она вырвала руку. — Не надо.

Он не отстал. Нашел ее в мессенджере, написал. Сначала осторожно, потом настойчивее. Она не отвечала. Тогда он позвонил.

— Давай встретимся, — сказал он. — Просто поговорим. Мне кажется, что тебе нужна помощь.

И она сдалась. Встретилась с ним в парке — Олег все еще был в отъезде. И рассказала все. Сначала не хотела, но слова полились сами собой. Она плакала, а он слушал, стиснув зубы.

— Уходи от него, — предложил Сева. — Ко мне. Я защищу тебя.

— Он найдет, — качала головой Марина. — Он везде найдет.

— Уедем. В другой город. В другой регион.

— А Катя? Он не отдаст Катю.

— Заберем Катю.

Это было безумие. Но Марина была в таком отчаянии, что это безумие казалось выходом.

Побег случился через неделю, поздно вечером. Олег снова уехал в Москву на четыре дня. Марина уложила спать Катю, проводила горничную и отпустила водителя. Потом быстро собрала вещи: свои и дочки. Разбудила ее, найдя какое-то объяснение о веселом приключении, и вышла из квартиры, не оглядываясь. Сева ждал внизу в машине.

— Все будет хорошо. — сказал он, сжимая ее руку.

Сева вел машину молча. Катя уснула на заднем сиденье, привалившись к пакету с вещами. Марина смотрела в окно — на убегающие фонари, на темные дома.

— Ты как? — спросил он тихо.
— Не знаю, — ответила она. — Я ничего не чувствую.
Он сжал руль. Больше не спрашивал.
Квартира оказалась маленькой. Тесная однушка в панельной пятиэтажке на Сормове.

Марина стояла с Катей на руках. Девочка не проснулась.

— Клади ее сюда, — Сева проводил их в комнату и расправил на диване плед. — Я на кухне посплю. Там раскладушка есть. А вы тут.

Марина уложила дочь. Катя вздохнула во сне и свернулась калачиком.

Они пошли на кухню. Сева поставил чайник. Достал две кружки — одна с трещиной, другая с надписью: «Лучший сварщик».

— Это папина, — объяснил он. — Он на заводе работал. Умер три года назад.

— Мне жаль.

— Да ничего. Он болел долго.

Он помолчал.

— Ты не бойся. Я вас не дам в обиду.

Марина подняла глаза. Он смотрел серьезно, даже сурово — не так, как в школе, когда краснел при ее появлении.

— Сева, он опасный.

— Ничего, справлюсь, — сказал он.

— Ты красивая, — сказал он вдруг. — Я в школе еще понял. Только сказать боялся.

Марина не ответила. Она смотрела в кружку.

— Я не за этим, — добавил он быстро. — Не думай. Ты просто… ты можешь жить здесь сколько нужно. Я не буду приставать.

Она подняла глаза. Он был красный, как помидор, и смотрел куда угодно, только не на нее.

— Спасибо, — сказала она.

Они прожили вместе несколько дней.

Сева спал на раскладушке на кухне. Утром уходил на работу: он работал наладчиком на автозаводе, смены по двенадцать часов. Возвращался, молча мыл посуду, играл с Катей в настольные игры. Пытался готовить, получалось не очень: макароны разваривались, мясо подгорало. Марина прогоняла его с кухни.

— Сева, это-то оставь мне, — Марина улыбалась. — Я целый день дома.

— Тебе надо отдохнуть — не сдавался Сева.

— Дядя Сева, — говорила Катя, — вы посолить забыли.

— Забыл, — виновато улыбался он. — В следующий раз посолю.

Он покупал Кате шоколадки: дешевые, в желтой обертке. И фрукты: яблоки, апельсины. Марина замечала, что он экономит на себе — доедал вчерашние макароны, пил чай без сахара.

— Сева, не надо тратиться, — сказала она однажды.

— Надо, — ответил он. — Она ребенок. Ей нужны витамины.

Марина смотрела на его широкую спину, на неловкие руки, и думала: «Почему я не могу его полюбить? Он хороший. Он спасает нас. Почему внутри пусто?»

Она не знала ответа.

Однажды вечером, когда Катя уснула, он сел напротив Марины и сказал:

— Я не умею. С тобой. Я боюсь.

— Чего? — спросила она тихо.

— Что сделаю не так. Что ты заплачешь. Что ты вспомнишь его, — он молчал, крутил в руках зажигалку. — Я лучше не буду. Ладно?

— Ладно, — сказала Марина.

И она почувствовала к нему такую нежную, такую острую благодарность, что у нее перехватило горло. Не за то, что он ее спас. За то, что оставил ее боль в покое.

Сначала действительно все было относительно спокойно, не считая неотвеченных звонков Олега и его гневных СМС. На потом Олег начал действовать. И начался ад.

Как-то к вечеру Сева не вернулся с работы.

Марина ждала: одиннадцать, двенадцать. Катя давно уснула, прижавшись к ней. Марина сидела в темноте и слушала: шаги в подъезде, голоса за стеной, шум лифта.

В половине первого раздался звонок в дверь.

Она подошла к двери.

— Это я, Сева. — раздался сдавленный голос.

Она открыла. Сева стоял в дверях с разбитой губой, с фингалом под глазом. Рубашка порвана, на костяшках пальцев — ссадины.

— Что случилось? — она втянула его в квартиру.

— Ничего, — он прошел на кухню, сел на табуретку. — Люди твоего мужа. Встретили в переулке. Сказали, чтобы я отдал вас. Я отказался.

Она смотрела на его лицо — избитое, опухшее, но с тем же упрямым выражением.

— Сева, он убьет тебя.

— Не убьет, — он усмехнулся, поморщился от боли. — А убьет — сядет, а вы будете свободны.

— Боже, Сева, что ты говоришь, надо в полицию заявление написать.

— Мариша, думаю, ты и сама знаешь — это бесполезно. — поморщился Сева. — Сами справимся.

Она обработала его раны перекисью, йодом, залепила пластырем. Руки дрожали. Он сидел смирно, только иногда шипел.

— Спасибо, — сказала она.

На следующий день Олег подал заявление в суд.

Сева ходил с Мариной на заседания. Сидел на скамейке в коридоре, держал ее за руку, когда она выходила после допросов. Молчал — потому что не знал, что сказать. Но был рядом.

Однажды, когда судья объявила перерыв, он решился.

— Марин, — сказал он, — что бы ни случилось, я с тобой.

— А если Катю заберут?

— Не заберут.

Он говорил уверенно, а она так хотела верить.

Олег нанял лучших юристов. Он перевернул все, что мог. Купил свидетелей. Подделал экспертизы. Марина сидела в зале, слышала, как адвокат Олега называет ее «психически неуравновешенной матерью, которая похитила ребенка у любящего отца», и чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Самым страшным был допрос Кати.

Шестилетняя девочка, бледная, с огромными глазами, сидела на стульчике и смотрела на судью.

— Катя, ты хочешь жить с папой или с мамой? — спросила судья.

— Я хочу жить дома, — сказала Катя.

— Ну то есть с папой? — уточнила судья, а Катя кивнула, не глядя на Марину.

Марина закричала. Ее вывели из зала.

Позже, в коридоре, когда она рыдала на плече у Севы, к ней подошла социальный работник, немолодая женщина с усталыми глазами.

— Не вините ребенка, — сказала она тихо. — Отец запугал ее. Сказал, что если она выберет маму, то вас посадят в тюрьму. Ребенок испугался.

— А вы? — с надеждой спросила Марина. — Вы скажете это в суде?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.